

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

**ЛОВУШКА
ДЛЯ ПТИЦ**

**Москва
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Иллюстрация на обложке *А. Рысухой*

Платова, Виктория Евгеньевна.
ПЗ7   Ловушка для птиц / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (В мертвом омуте. Психологические триллеры Виктории Платовой).

ISBN 978-5-04-194657-9

Холодный Петербург. Унылый скрип автобусных дверей. Сорок две остановки. Пассажиры входят и выходят. Ритмичный и бесконечный круговорот. И никому нет дела до девушки, которая сидит на заднем сиденье, прислонившись к окну. Она неподвижна. Она мертва. Позже криминальный эксперт скупко констатирует: девушку убил профессионал. Хладнокровно и точно он вонзил в ее тело нож, что вызвало мгновенную смерть. И никаких зацепок. Только вопросы. И порывистый ветер с Невы, гуляющий по сырым кварталам и нагоняющий смертельную тоску...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194657-9

© Платова В.Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Часть первая

АВТОБУС №191

Салон

...Тело нашли, когда автобус, простояв на остановке у станции метро «Петроградская» обычные две минуты, двинулся по маршруту обратно — к реке Оккервиль. Собственно, «нашли» было не совсем точным определением. Труп около часа маячил перед глазами как минимум одного человека — контролера-кондуктора Анны Николаевны Маврокордато. Брагин, как мог, посочувствовал тяжелой доле работников общественного транспорта, после чего посетовал на погоду, расспросил о семье и шумно восхитился аристократизмом кондукторской фамилии.

На этом первую часть операции (проходившую под кодовым названием «Размочи печенюшку») можно было считать законченной. Много времени она не заняла, учитывая фактуру Брагина: простачок, миляга, верный муж и хороший сын, чье хобби — клеить модели надводных кораблей. Примерно таким его видела кондукторша Маврокордато, примерно этого взгляда сам Брагин и добивался. Хорошим сыновьям невозможно отказать, ради них и напрячься не грех. Во всяком случае, напрячь память. Выудить из нее все, что касается последнего часа.

Девушки, сидящей на заднем сиденье автобуса номер 191.

У окна.

Сейчас возле тела девушки хлопотали двое — судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер и молодой опер-стажер Паша Однолет, Брагин присоединится к ним позднее. Сразу по окончании второй части операции — «Выкорми ворона». Этот немудреный термин означал: *заставь свидетеля вспомнить все*. До последней мелочи, вроде бы не относящейся к делу. По опыту Брагин знал: именно такие мелочи частенько становятся отправной точкой расследования. Именно из них проклеваются самые жизнестойкие версии.

— Давайте-ка припомним, Анна Николаевна, — мягким, терапевтическим голосом произнес Брагин. — Когда... эм-мм... девушка появилась в салоне?

— На какой остановке, что ли?

— Было бы замечательно, если бы вы вспомнили.

— А знаете, сколько их, остановок? — внезапно заочевряжилась почти прирученная кондукторша. — Сорок две!

— Ого.

— И целый божий день перед глазами хороваются. Туда-сюда, туда-сюда. А люди? Ведь толпы же, толпы! И не всякий платит... А иногда и обхвоят. Да так, что всю оставшуюся смену руки трясутся.

— А девушка? Она ведь заплатила?

— Ну, раз ехала себе спокойно, — тут подбородок у Маврокордато дернулся, — значит, заплатила.

— Карточкой или наличными?

6 — Спросите чего полегче... Не знаю я. Не помню.

Брагин неожиданно разозлился на Анну Николаевну. Хотя... Чего там злиться? Не так уж много времени и сил он потратил на кондукторшу. И не явил себя во всей — яростной и нежной — красе премьеры провинциальной театральной студии. А выход из ситуации все равно найдется: достаточно только внимательно изучить каждую из остановок на маршруте. При некоторых наверняка обнаружатся перекрестки, снабженные видеокамерами. Видеокамеры можно найти и на ближайших к остановкам строениях: жилых домах, супермаркетах, торговых центрах. Далее последует просмотр пленок, работа муторная и тоскливая. Но таковой она всегда и была, за некоторыми исключениями. *Вообще вся*, а не только сбор улики и доказательств. После недолгой феерии и мексиканского карнавала в честь обнаружения трупа всё медленно сползает в рутину. В тягомотину, канцелярщину; в разносы от начальства и ненормированный рабочий день. Впрочем, в его — Брагина — случае ненормированный рабочий день — это даже хорошо.

Это спасение.

А вот Паше Однолету точно не спастись. Совсем скоро он отправится на стайерскую дистанцию, где повсюду рассованы камеры видеонаблюдения. Не исключено, что в полном одиночестве: нехватка людей — проблема, с которой Брагин сталкивается постоянно. Только с досужими умниками наблюдается явный перебор. Слава богу, лейтенант Однолет к ним не относится.

— ...Хамят от души, злодеи, — снова начала жаловаться Маврокордато. — Как будто кондук-

тор — не человек. Как очередное повышение за проезд — так и огребаю по полной. А я, что ли, эти цены устанавливаю? Тариэл!

Брагин не сразу понял, что обращается она к водителю, который все это время находился в передней части автобуса. За исключением двух выходов на перекур в крошечный палисадник рядом с местом парковки. Водителя звали Тариэл Кобахидзе, и был он невысок и тонок — как будто вырезан из жести. И одет совсем не так, как обычно одеваются водители общественного транспорта. Черный костюм-тройка и галстук цвета давленной вишни. Одежда не новая, но тщательно отутюженная и вычищенная.

— Тариэл! — воззвала кондукторша.

— Да, дорогая. — Голос у жестяного грузина оказался на удивление мягким. Как если бы он обращался к ребенку, а не к толстой, грубо покрашенной тетке шестидесяти трех лет от роду.

— Где тот охламон вышел?

— Какой, дорогая?

— В рыжей шапке вязаной. Скандалил со мной. И шарф на нем был зенитовский... А когда выходил — девчущку с ног сбил, на остановке. А ты ждал еще, когда она поднимется. Специально двери не закрывал.

— А-а-а... — Тариэл поскреб тонким пальцем переносицу. — Нерчинская.

— Точно! — почему-то обрадовалась Маврокордато. — Нерчинская. С той стороны, где дома строят.

Там-то все и произошло.

8 — Что именно? — нахмурил брови Брагин.

— Она и есть девчушка с остановки. Которая...

Кондукторский подбородок, описав в воздухе небольшую дугу, указал на Пасхавера и Однолета, все еще копошившихся у тела.

— Значит, так. Вошла в среднюю дверь. Отдала мелочь за билет. Ну и... Села... Стало быть, на то место, где ее потом нашли.

— Вот видите! — похвалил кондукторшу Брагин. — Отличная у вас память, Анна Николаевна. Прямо как у разведчика-профессионала. Так что наговаривали вы на себя зря.

На дряблые, под густым слоем пудры щеки Маврокордато взбежал легкий девичий румянец — так вдохновили женщину слова следователя, его безыскусная похвала.

— Рюкзак.

— Рюкзак? — переспросил Брагин.

— При ней был рюкзак. Красный такой, матерчатый. У меня похожий есть, я с ним на дачу езжу. Она, как села, сразу рюкзак на колени поставила.

— Вы хорошо помните?

— Так ведь разведчик-профессионал, — хихикнула Маврокордато.

Известие о рюкзаке не слишком обрадовало Брагина, поскольку ничего похожего при мертвой девушке не обнаружили. Но и не верить кондукторше оснований тоже не было. Одно из двух: либо рюкзак забрал убийца, либо нечистый на руку пассажир, воспользовавшийся ситуацией, — и такие встречаются, пусть и изредка.

Итак, рюкзак забрал убийца. Самый вероятный исход.

Потому что представить случайного попутчика, хладнокровно крадущего вещи мертвеца, да еще в забитом людьми автобусе, Брагин — при всем богатстве своего воображения — мог с трудом. Что делает нормальный среднестатистический человек, обнаружив рядом с собой труп? Реагирует — и, как правило, непроизвольно и бурно. Кричит, размахивает руками, призывает в свидетели всех, кто оказался поблизости: кому охота оставаться перед лицом только что нагрывшей смерти в гордом одиночестве? Никому. За вычетом извращенцев, отморожков и клинических социопатов. С некоторыми из них Брагин был знаком лично. И даже изредка промышлял пятничным *бар-джампингом*, если удавалось выбраться из-под рабочих завалов.

К этой сомнительной категории граждан никак не относилась гражданка Жарких Валентина Владимировна, третий (после Маврокордато и Кобахидзе) ключевой свидетель. Именно она обнаружила, что сидящая рядом с ней девушка мертва, — в тот самый момент, когда автобус слегка занесло при повороте с Большого проспекта на улицу Ленина. И по инерции труп опрокинулся на ничего не подозревающую Жарких. «Опрокинулся» — именно это слово впоследствии употребила свидетельница. На взгляд Брагина — склонная к мелодраматическим преувеличениям. Сейчас принявшая успокоительное Жарких отсиживалась в «Скорой», которая прибыла

10 за телом, — и ее еще предстояло допросить.

Другое дело, что гипотетический транспортный вор мог принять девушку за спящую, просто умыкнуть рюкзак и совершенно спокойно выйти из автобуса. После чего выпотрошить улов в тихом месте, забрать все более-менее ценное, а документы...

Стоп. Документы.

Документы обычно подбрасывают в ближайшее полицейское отделение. Или пытаются позвонить потерпевшим со старой, как мир, рождественской историей о том, что они нашлись на остановке, в гипермаркете или в сетевом кафе «Брынза». Что может отследить Брагин? Отделения полиции. К ним и надо обращаться.

— ...И куда же он делся, рюкзак? Не видели?

— Чего полегче спросите, — вздохнула Маврокордато. — Тут так за рейс накувыркаешься, что света белого не взвидишь, а вы говорите — рюкзак.

— А тот... охламон в рыжей вязаной шапке... Он специально девушку с ног сбил? Или случайно получилось?

— Кто ж его знает? Только такие типусы ничего просто так не делают. Спят и видят, как бы напакостить безнаказанно. Эхх-х. Распустилась молодежь...

И снова на щеках Маврокордато заплясал румянец; на этот раз — праведного гнева. Но до сакральной фразы «Сталина на них нет» дело так и не дошло. И вообще, несмотря на бесконечные причитания, кондукторша оказалась женщиной толковой и цепкой. Не прошло и пяти минут, как в сознании Брагина укоренилась схема поездки, вернее — этюд, сделанный широкими уверен-

ными мазками: белый автобус, сине-стальной город за стеклами и несколько пестрых пассажирских волн, захлестывавших салон.

Всего волн было три.

— Раз на раз не приходится, — сказала Маврокордато, — когда больше, когда меньше. Но сегодня их было три.

От Нерчинской, где села девушка, до метро «Новочеркасская» автобус шел полупустой и у метро опустел окончательно. Чтобы заполниться под завязку сразу за мостом Александра Невского, у гостиницы «Москва». Это была первая волна, схлынувшая в районе площади Восстания. Вторая волна оказалась внеплановой: на Гостинке салон заполнили китайцы.

— Два десятка, не меньше! А может, все пять. И чемоданов сотня. Стрекотали по-своему так, что уши закладывало. Ультразвук, точно вам говорю. И эти их улыбочки фирменные! И ни одна сволочь не заплатила, ни одна.

Китайцы вполне ожидаемо катапультировались у Эрмитажа, после чего автобус № 191, задев по касательной Стрелку Васильевского острова, покатил на Петроградку. Там его поджидала третья пассажирская волна, плавно сошедшая на нет между двумя станциями метро — «Спортивной» и «Петроградской». И все это время Анна Николаевна балансировала на гребне, как заправская серфингистка: протискивалась между преющими в тесноте пассажирами, тыкала в проездные документы валидатором и *обилечивала* всех остальных, проездных

12 документов не имевших.

Работы невпроворот, тут уж не до девчонки.

То есть периодически Маврокордато натыкалась на ее капюшон, низко надвинутый на лицо. И в какой-то момент ей даже показалось, что пассажирка задремала, *ах, кто бы знал, мил человек, чем все закончится, кто бы знал!..*

— Почему вы так решили? — поинтересовался Брагин.

— К окну привалилась, вот почему.

— Так и сидела?

— Чего бы не сидеть в тепле-то?

— Долго?

— Не то чтобы долго, а... все время.

— Так уж и все время?

— После «Спортивной» уже. Ближе к Чкаловскому проспекту.

— А рюкзак?

— Вот мне еще про чужой рюкзак думать, — пожал плечами Маврокордато. — И так голова кругом. Триста человек на ней висят, каждую секунду.

Триста человек, даже учитывая перманентную автобусную загруженность, были явным преувеличением. Как и пять десятков китайцев с сотней чемоданов. Вот такой женщиной была Анна Николаевна — щедрой на цифири и не в меру широкой, масштаб — 1:5.

— Но его же нет, рюкзака. А на Нерчинской был, как вы утверждаете.

— Был.

— А на Восстания?

— А на Восстания толпа была. Не до рюкзака. **13**

— А на Гостинке — китайцы.

— Именно.

— И никто не выходил с чем-то похожим?

— Может, и выходил. Через заднюю дверь, когда я возле передней колготилась. Или наоборот — через среднюю. Центр города. Давка. Вынесло общим потоком — и поминай как звали.

Дохлый номер — выяснять подробности бытия переполненного автобуса, — подумал Брагин. Но на всякий случай спросил:

— Может, видели, кто сидел рядом с потерпевшей?

— Берет махровый красный сидела, — после недолгого молчания отозвалась Маврокордато. — Как на «Петроградской» вползла, так сразу рядом и плюхнулась. Она и обнаружила...

Красный берет принадлежал гражданке Жарких и в данный момент интересовал Брагина меньше всего.

— А до берета? Кто еще?

— Чего полегче спросите... — затянула старую песню кондукторша, но тут же перебила сама себя: — Еще парень был. Странный.

— Почему вы так решили? Он необычно выглядел? Вел себя?

— Да нет. Выглядел — как все они сейчас выглядят. Музыка в ушах. Шапка на затылок свисает, будто в нее дерьма навалили... Уж простите, но по-другому не скажешь... Бороденка опять же дурацкая.

Он билет слопал — вот и вся странность.

14 — Билет? — удивился Брагин.

— Ну да. Получил билет, пошарил по нему глазами — и сожрал.

— Зачем?

— Может, на счастье. Сами никогда не ели? — подмигнула Брагину кондукторша.

Еще как ел! Лет двадцать назад, когда был отчаянно влюблен в Элку Гусарову с филфака и только и мечтал о том, чтобы затащить ее в постель. Даже если до этого придется затащить ее в ЗАГС. На просто связь целомудренная Элка не соглашалась, хотя к Брагину относилась благосклонно. Не то чтобы голоштаный Брагин был завидным женихом, но он был шансом. Для Элки, приехавшей из Апатитов (*Гепатитов*, как она, страдальчески морщась, именовала свою малую родину); и для других — не таких красивых и совсем не таких целомудренных. Из Пскова, Новгорода, Опочки и даже из невесть как затесавшегося в эти бледные северные когорты казахского Темиртау.

Все они были пришлыми; все они были перышками, что скользят по ветру, по свинцовым питерским водам и забиваются в растрескавшиеся камни набережных. А Брагин, напротив, проходил по ведомству коренных петербуржцев. С квартирой в старом мрачном доме на Бармалеевой улице. И сама квартира была мрачной, и то, что окна выходили не в колодец двора, а непосредственно на Бармалееву, дела не меняло.

— Ого! — сказала Элка Гусарова, впервые оказавшись в гостях у Брагина. — А печка прямо настоящая? Функционирует?

Об этом спрашивал каждый, кто видел главную достопримечательность квартиры — огромную, под потолок, голландку, выложенную сине-белыми изразцами. Чего только не было на этих изразцах: жанровые сценки с развеселыми пейзажами; суровое море с суровыми парусниками; пейзажи и натюрморты в обрамлении растительного орнамента. Брагин еще помнил те времена, когда в печи гудел огонь; смутно, но помнил. А потом что-то сломалось в тонком и нежном печном организме. И ни один спец по голландкам (а их здесь перебывало множество) не смог это поправить. *Разобрать — разберем, — в один голос утверждали спецы, — и змеевики прочистим, а вот собрать обратно, так, чтобы изразец к изразцу, это — увольте. Это — в Эрмитаж.*

— ...Печку надо продувать, — вынужден был признать Брагин. — Тогда и заработает. Но ты ничего не ответила.

— Разве? — удивилась Элка Гусарова.

Пять минут назад, еще до того, как Элка приложила ладони к самому внушительному из парусников, Брагин сделал ей предложение.

— Ты согласна?

— А это сложно — продуть печь?

Элке Гусаровой нравилось дразнить Брагина.

— Ты согласна? — снова повторил Брагин.

— Может быть.

— Это не ответ.

— Хочу сидеть у печки и смотреть на огонь.

16 — У этой или вообще?

— У этой, — сдалась Элка, наконец-то сделав Брагина счастливым: постель с самой красивой девушкой филфака перестала быть отдаленной перспективой и перешла в разряд среднесрочных.

На следующий день они подали заявление, и Брагин ровно три недели из четырех, отпущенных на раздумья, не уставал благодарить своих верных союзников — суровые трехмачтовые бригаи и развеселых пейзажи. А потом недотрога Элка с ходу переспала с итальяшкой, которого приволок в университетскую общагу ее однокурсник Груньюшкин. Тут-то все и закончилось. Но Брагину об этом никто не сообщил. Да и некому было сообщать: Элка благополучно укатила с итальяшкой на историческую родину, в *Гепатиты*, знакомить будущего мужа с родственниками-пейзажами. Совсем не такими развеселыми, как голландцы с изразцов. Гиблое место — Апатиты.

Гиблое место — Элка.

Итальяшка побарахтается немного и сбежит. К своим Софи Лорен и Орнеллам Мути, в Тоскану, Милан и окрестности. А Брагину останется только ждать. Ну что ж, подождет.

Чтобы как-то скрасить ожидание, он начистил физиономию Груньюшкину. После чего оба отправились в ближайший пивбар — мириться и философствовать.

— Кто он? — спросил Брагин у Груньюшкина. — Откуда он вообще выперся, хрен с горы?

— Да никто. А выперся из Флоренции. Лекции читать по Кватроченто.

— По чему? — опешил Брагин.

— Тебе не понять. Проехали.

— Не понять. Это верно. Как невеста, без пяти минут жена, сваливает с другим без всяких объяснений. Любовь с первого взгляда, что ли?

Циничный гуманитарий Грунюшкин посмотрел на Брагина с сожалением:

— Дурак, что ли? Любовь здесь при чем?

— Что тогда?

— Италия. Ей Италия подмигивает, если будет правильно себя вести. Ничего личного.

Брагин снова почувствовал желание съездить Грунюшкину по морде. Такое непреодолимое, что пришлось срочно занимать руки ошметками вяленого леща.

— Вот что ты ей можешь предложить, брателло?
Сидеть у печки и смотреть на огонь.

— Мало ли что. У меня большие перспективы.

— Адвокатская контора? Или в органы подашься?

Тоже мне, предел мечтаний.

— Хорошие адвокаты на вес золота.

— Ну, ты пока не хороший и даже не адвокат.

Лещ не ко времени кончился, и Брагин немедленно вцепился в кружку с недопитым пивом.

— Но она же согласилась, Элка...

— На бесптичье и жопа соловей, — хохотнул Грунюшкин. — Вот она тебя и держала до последнего, мирилась с твоей образиной. А потом, бац, — и павлин нарисовался. Реальный, из Кватроченто. Тут уж не поправить. Забей на нее — и всё.

— Это как?

18 — Как и не было. Девочек-то полно.

— Итальяшек тоже, — продолжал упорствовать Брагин. — Про пиндосов вообще молчу. И разных прочих шведов.

— А ты неприхотливую ищи. От сохи. Провинциалку без закидонов.

Элка Гусарова ровно такой и была — провинциалкой от сохи, и даже особых закидонов за ней на наблюдалось. Так что теория Грунюшкина трещала по швам, швы расходились и ширились, и Брагин тут же принялся заливать их пивом. Дальнейшее он помнил смутно. Помнил, что Грунюшкин приволок откуда-то двух шмар явно не студенческого вида, и все вместе они отправились на Бармалееву. После постыдной во всех отношениях ночи у Брагина жутко болела голова, к тому же шмары обнесли квартиру, утащив с собой еще прабабкины драгоценности: золотой крестик, брошку с рубинами, два серебряных полтинника и камю времен императора Александра Третьего.

В милицию Брагин не пошел, ограничившись очередным избиением Грунюшкина, — после чего они подружились окончательно.

— Просто и легко, — сказал Грунюшкин, имея в виду злополучных шмар. — Не без эксцессов, конечно. Но в основном — просто и легко.

— На бесптичье — и жопа соловей, — резюмировал Брагин.

Элка, упорхнувшая-таки с флорентийским павлином в Италию, еще какое-то время саднила, давала знать о себе короткими и болезненными уколами в сердце. Но в общем и целом Брагин **19**

справился, сошелся накоротке с Псковом, а затем с Опочкой и уже на последнем курсе — с Темиртау. И они неплохо смотрелись вместе — примерно как американский пехотинец и маленькая сайгонская шлюха, продающая любовь за кокс и баксы. Впрочем, в Темиртау не было ничего от продажной любви, а вот от фарфоровой куклы — было. Но не той, какие обычно выставляют на аукционах или продают в дорогих арт-галереях. Темиртау производил впечатление куклы-неликвида: вроде все на месте, а чего-то не хватает. То ли сама заготовка оказалась некачественной, то ли расписывал кукольное личико стажер-неумеха.

Со временем имя Темиртау стерлось из прихотливой брагинской памяти, слишком уж оно было казахским — Анаргуль? Алтыnguль? Айтолды? Псков и Опочка на этом экзотическом фоне казались русопятыми простецами, но и они канули в Лету следом за куклой-неликвидом. Осталась лишь Элка Гусарова, гладившая ладонями изразцовые паруса.

Еще тогда, в период перманентных булавочных уколов в сердце, Брагин решил для себя, что станет счастливым лишь тогда, когда новоиспеченная итальянка Элка окажется несчастной — тотально и по всем фронтам. Итальяшка ее бросит. *Сбросит* — с павлиньих высот. И, оставшись без средств к существованию, она устроится жопомойкой в какой-нибудь дом престарелых — все там же, в Тоскане, Милане и окрестностях. И это — в лучшем случае.

В худшем — ее ждет судьба маленькой сайгонской шлюхи, но без баксов. И без кокса.